

СОЮЗ

искусения

СИЛЬВЕР БРАНТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сильвер Брант
Союз искушения

«Автор»

2026

Брант С.

Союз искушения / С. Брант — «Автор», 2026

Лия Уайт привыкла жить в двух мирах. Для одних она — дочь влиятельной семьи, спокойная девушка, которой предстоит выгодный брак. Для других — Нуар, одна из самых опасных наёмных убийц преступного мира. За её голову готовы заплатить. Кто-то хочет отомстить за смерть близкого человека, кто-то — за разрушенные планы. Но Лия привыкла смотреть опасности в глаза. Эйден Харрисон — наследник могущественной семьи, холодный и безжалостный мужчина, которому однажды предстоит занять место отца. Он знает: власть всегда порождает врагов. Лия и Эйден никогда не искали друг друга, но договорённость между их семьями меняет всё. Они должны пожениться. Для них это всего лишь союз, призванный укрепить положение обеих семей. Но после объявления помолвки прошлое Лии и борьба Эйдена за власть сталкиваются впервые. А между будущими супругами возникает опасное притяжение.

© Брант С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1. Лия	8
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сильвер Брант

Союз искушения

ПРОЛОГ

Запах сырости ударил в нос еще до того, как Джошуа Уайт переступил порог старого двухэтажного дома. Половицы прогибались под ногами, стены покрывала плесень, а в воздухе стояла тяжелая смесь перегара, гнили и химического запаха дешевых наркотиков. Такие места он видел десятки раз. Здесь люди не жили. Здесь медленно умирали.

Заказ оказался простым.

Танака задолжал крупную сумму одной из мафиозных группировок, поставлявшей наркотики. Вместо того чтобы вернуть деньги, он исчез вместе с товаром. Несколько недель его искали, и сегодня поиски закончились.

Джошуа бесшумно поднялся на второй этаж. Дверь в единственную освещенную комнату была приоткрыта. Сквозь щель доносилось тяжелое дыхание и тихое бречание стекла.

Он толкнул дверь.

Худой мужчина азиатской внешности сидел на полу возле грязного матраса, лихорадочно пытаясь зарядить старый револьвер. Услышав шаги, он резко поднял голову. В его расширенных зрачках мелькнул страх.

Джошуа не сказал ни слова.

Пистолет с глушителем дважды едва слышно хлопнул.

Мужчина повалился на спину, так и не успев нажать на курок.

Комната снова погрузилась в тишину.

Джошуа привычно осмотрел помещение. Старый шкаф, сломанный стол, грязный матрас, разбросанные по полу шприцы, пустые бутылки и пакеты с остатками порошка. Работа закончена.

Он уже направился к выходу, когда из дальнего угла комнаты донесся едва различимый шорох.

Реакция была мгновенной.

Он резко развернулся, вскинув пистолет.

Из-за шкафа выглядывала маленькая девочка.

Она была настолько худой, что казалось, огромная грязная футболка держалась только на острых плечах. Босые ноги покрывали старые ссадины и синяки. Спутанные черные волосы закрывали половину лица, а в руках она крепко сжимала грязного плюшевого зайца без одного уха.

Девочка смотрела прямо на него.

Без страха.

Без слез.

Без единого звука.

Джошуа медленно опустил оружие.

Девочка осторожно вышла из своего укрытия, маленькими неуверенными шагами подошла к лежащему на полу мужчине и опустилась рядом на колени. Она коснулась его плеча своей крошечной ладошкой и слегка толкнула.

Никакой реакции.

Толкнула еще раз.

Затем сильнее.

Когда мужчина не пошевелился, она нахмурилась, словно не понимала, почему он продолжает лежать. После этого снова толкнула его, уже двумя руками, но тело оставалось неподвижным.

Из ее груди вырвался тихий жалобный всхлип.

Не плач.

Скорее растерянность ребенка, который еще слишком мал, чтобы понять, что смерть необратима.

Взгляд Джошуа медленно скользнул по комнате.

В углу стояла пластиковая миска с засохшими остатками риса. Возле матраса лежала детская бутылочка без соски. На полу валялось тонкое грязное одеяло.

Ничего больше.

Никаких детских вещей.

Никакой одежды.

Никакой еды.

Никаких признаков того, что о ребенке хоть когда-нибудь заботились.

Он видел достаточно подобных квартир, чтобы безошибочно понимать картину целиком.

Отец давно обменял собственную дочь на очередную дозу.

Девочка наконец перестала толкать мужчину и медленно повернулась к незнакомцу. Несколько секунд она просто смотрела на него, после чего, покачнувшись, сделала один шаг вперед.

Потом еще один.

Остановилась совсем рядом.

Она не просилась на руки.

Не тянулась к нему.

Она просто стояла, крепко прижимая к груди старого плюшевого зайца, словно это была единственная вещь, которая связывала ее с прошлой жизнью.

Джошуа присел перед ней.

Теперь он видел ее еще лучше.

Запавшие щеки.

Потрескавшиеся губы.

Грязь под ногтями.

И слишком тонкие запястья для маленького ребенка.

Он молча снял с себя кожаную куртку и аккуратно укутал девочку. Она вздрогнула, почувствовав тепло, а затем неожиданно крепко ухватила пальчиками за мягкую кожу куртки.

Этого оказалось достаточно.

Джошуа осторожно поднял ее на руки.

Она почти ничего не весила.

Маленькая ладонь неуверенно легла ему на плечо, а через несколько секунд девочка уткнулась лицом в его шею и затихла. Ни слез. Ни истерики. Только усталость человека, который слишком долго жил без ощущения безопасности.

Джошуа бросил последний взгляд на тело убитого мужчины.

— Ты не заслуживал быть отцом, — тихо произнес он.

С этими словами он вышел под холодный дождь.

Джошуа впервые за много лет растерялся. Он понятия не имел, что нужно маленькому ребенку.

Когда он сел за руль, девочка уже спала, прижимаясь к его груди и крепко сжимая край его рубашки маленькими пальцами.

Он посмотрел на нее долгим взглядом.

— Лия, — негромко произнес он, словно пробуя имя на слух.

Девочка даже не пошевелилась.

Джошуа завел двигатель.

С этой ночи его жизнь изменилась навсегда. И он еще не знал, что однажды маленькая истощенная девочка, найденная в доме наркомана, станет для него не приемной дочерью, а самым дорогим человеком в жизни.

ГЛАВА 1. Лия

Апрельский Нью-Йорк встретил этот вечер холодным дождём. К девяти часам температура опустилась примерно до девяти градусов, а пронизывающий ветер заставлял холод пробираться под одежду. Низкие тучи затянули небо плотным серым покрывалом, скрывая последние остатки вечернего света, и дождь, начавшийся ещё днём, постепенно усиливался. Капли тяжело барабанили по крышам автомобилей, стекали по стёклам сплошными струями и собирались на дорогах, превращая чёрный асфальт в блестящую поверхность, в которой отражались красные огни светофоров, вывески магазинов и размытые фары проезжающих машин.

Город продолжал жить своей обычной жизнью, несмотря на непогоду. По мокрым тротуарам спешили люди, пряча лица под капюшонами и зонтами, машины медленно двигались по залитым водой улицам, а где-то вдаль монотонно гудела сирена. Нью-Йорк никогда не умел становиться тихим. Даже в такую погоду он оставался шумным, торопливым и равнодушным к тем, кто в нём находился.

Спустя двадцать минут я сворачиваю на пустую промышленную улицу и паркую G-Wagon недалеко от старого склада, где находится моя сегодняшняя цель, и несколько секунд не выхожу из машины. Дождевые капли барабнят по крыше, дворники размазывают воду по лобовому стеклу, а я смотрю на тёмное здание впереди, мысленно прокручивая план. Для обычного человека это место выглядело бы заброшенным и совершенно непримечательным. Для меня оно всего лишь очередная точка на карте.

Быть правой рукой моего папы означает, что мне давно не приходится выполнять заказы самостоятельно. Он руководит одной из самых элитных группировок профессиональных убийц в стране и прекрасно знает, насколько опасна работа, которой занимается. Поэтому, когда речь заходит обо мне, папа предпочитает использовать мои навыки в управлении делами, а не отправлять на задания. Вот только я никогда не просила его защищать меня от собственной жизни. И уж тем более не собиралась становиться красивой дочерью главы организации, которая умеет отдавать приказы, но не умеет их выполнять.

Я слишком хорошо обучена, чтобы сидеть в стороне.

Мой отец — человек, имя которого в определённых кругах произносят только шёпотом. Когда-то его считали одним из самых опасных ассасинов в мире, пока он не отошёл от непосредственной работы и не передал большую часть обязанностей другим людям. Но репутация никуда не исчезла. Она просто стала частью нашей фамилии.

А моя мама происходила из совершенно другого мира.

Она была дочерью итальянского Дона.

Мама познакомилась с отцом на одном из благотворительных мероприятий, когда ей было двадцать пять. Она рассказывала, что сначала вообще не знала, кто он такой. Просто увидела мужчину, который стоял в стороне от толпы и выглядел так, будто предпочёл бы находиться где угодно, только не среди богатых гостей благотворительного вечера. Они разговорились, и уже после нескольких минут общения мама поняла, что пропала. Влюбилась с первого взгляда — именно так она всегда говорила, смеясь, когда рассказывала эту историю.

Её совершенно не смутило, что у отца уже была пятилетняя дочь.

То есть я.

Я не была его биологической дочерью, но никогда не чувствовала разницы. Отец забрал меня к себе ещё ребёнком и воспитывал так, будто между нами не существовало никаких вопросов крови. Мама поступила так же. Ей было совершенно всё равно, что я появилась в жизни отца до неё. Она никогда не пыталась разделить нас на «своих» и «чужих», никогда не заставляла меня называть её мамой и никогда не требовала любви взамен на свою.

Она просто стала моей матерью.

Через год после знакомства родители поженились, получив благословение моего деда — итальянского Дона, который, несмотря на свою репутацию, прекрасно понимал, что его дочь действительно любит этого мужчину. С того момента наша семья постепенно стала чем-то большим, чем просто союз двух влиятельных людей. За семнадцать лет мы превратились в фамилию, которую знали все, кто хоть немного был связан с криминальным миром Нью-Йорка.

Уайт-Моретти.

Фамилия моего отца и моей матери.

Фамилия, которая открывала одни двери и заставляла другие навсегда оставаться закрытыми.

Я смотрю на часы.

Пора.

Открываю дверь машины и выхожу под дождь. Холодные капли мгновенно ударяют по лицу, но я не обращаю внимания. Проверяю оружие, поправляю чёрную тактическую экипировку и забрасываю ремень снайперской винтовки через плечо. Два пистолета надёжно закреплены под курткой. Я закрываю машину и оглядываюсь по сторонам, после чего направляюсь к складам.

В темноте легко раствориться, особенно когда дождь скрывает силуэт, а шум воды заглушает шаги. Я двигаюсь между зданиями, низко опустив голову, и внимательно осматриваю пространство вокруг. Впереди появляется пожарная лестница. Я поднимаюсь по ней на крышу и выбираю место, откуда открывается хороший обзор на улицу и подъезд к складу.

На крыше ветер сильнее. Дождь хлещет по лицу, одежда постепенно намокает, но мне это не мешает. Я устраиваюсь за низким бетонным ограждением, достаю винтовку и готовлюсь ждать.

Мне двадцать два года.

За моими плечами достаточно тренировок, чтобы не испытывать страха перед первым выстрелом.

Я могла бы штурмовать склад как сумасшедшая. Впрочем, кем, если быть честной, я и являюсь. Но сегодня моё шестое чувство, которое ещё ни разу меня не подводило, настойчиво подсказывает, что не стоит лезть напролом. Иногда даже мне приходится признавать, что осторожность полезнее адреналина, особенно когда на кону не только моя жизнь, но и безопасность всей команды.

Я вставляю в ухо микронаушник, проверяю соединение и устраиваюсь удобнее за бетонным ограждением, продолжая наблюдать за тёмным складом через оптический прицел.

— Проверка связи.

В наушнике почти сразу раздаётся знакомый голос Анны.

— Слышу тебя хорошо. Команда С уже заняла позиции и ждёт твоего сигнала.

— Отлично. Пока ничего не предпринимаем. Ждём цель.

Я снова перевожу взгляд на склад. Старое промышленное здание выглядит практически мёртвым: несколько тусклых окон, металлические ворота и единственный фонарь над входом, который время от времени мигает из-за дождя. Но за этой неприметной оболочкой сейчас находится человек, ради которого мы здесь.

Цель на сегодня — правая рука колумбийского босса, который решил, что сможет занять наше место на рынке драгоценных камней. Последние несколько месяцев его люди методично ставили палки в колёса моему дяде Данте Моретти, пытаясь перехватить поставки, срывая сделки и давя на наших партнёров. Они слишком долго проверяли, насколько далеко могут зайти, и в какой-то момент перестали понимать простую вещь: наша семья не отдаёт то, что считает своим.

Их главной ошибкой стало даже не желание занять наш рынок.

Их ошибкой было то, что они решили, будто мы позволим им это сделать.

— Босс, тепловизор показывает девять человек внутри склада, — в наушнике раздаётся голос Макса.

Макс — мой лучший друг и человек, которому я доверяю больше большинства людей в этой жизни. Он координирует группу с другой точки и знает мои привычки настолько хорошо, что иногда способен понять, что я собираюсь сделать, ещё до того, как я сама принимаю решение.

Я чуть прищуриваюсь, продолжая смотреть на склад.

Девять человек.

Значит, они либо ждут кого-то, либо слишком хорошо понимают, что сегодня к ним могут прийти незваные гости.

— Есть движение у главного входа? — спрашиваю я, не отрывая взгляда от здания.

— Пока нет. Но двое перемещаются внутри, остальные стоят практически неподвижно.

Я медленно выдыхаю. Что-то не сходится. Если правая рука колумбийского босса действительно находится здесь, девять вооружённых людей вокруг него могут быть обычной охраной. А могут означать совершенно другое.

— Анна, держи команду С наготове. Макс, продолжай наблюдение. Никто не двигается без моего приказа.

— Принял.

— Поняла.

Я снова смотрю в прицел, чувствуя, как внутри постепенно просыпается знакомое возбуждение. Именно в такие моменты я понимаю, почему отец так не любит отправлять меня на задания. Он знает меня слишком хорошо. Знает, что опасность не пугает меня.

Наоборот.

Она заставляет меня чувствовать себя живой.

Через десять минут наблюдения я промокла насквозь. Вода стекала по волосам за ворот тактической куртки, холод пробирался под одежду, а моё терпение стремительно подходило к концу. Я ненавижу ждать. Особенно когда знаю, что человек, которого я собираюсь убить, находится где-то в нескольких десятках метров от меня и совершенно спокойно считает, что этот вечер закончится для него так же, как начался.

Я уже начинаю всерьёз подумывать о том, чтобы просто пойти напролом и закончить всё самой, когда в наушнике снова раздаётся голос Макса:

— К складу приближаются три машины.

Наконец-то.

Я мгновенно забываю о холоде и скуке, плотнее прижимаюсь к бетонному ограждению и навожу прицел на подъездную дорогу. Через несколько секунд в поле зрения появляются три чёрных внедорожника. Они один за другим сворачивают к складу и останавливаются возле главного входа. Двери открываются практически одновременно.

Из здания выходят четверо охранников. Они быстро осматривают территорию, после чего один из них дает сигнал в открытую дверь склада.

И тогда появляется он.

Андрес Фелипе.

Правая рука человека, который решил, что сможет откусить кусок от бизнеса моей семьи и остаться в живых.

Я медленно улыбаюсь, наблюдая за ним через оптический прицел. На лице появляется та самая кровожадная улыбка, которую отец всегда ненавидел замечать во мне. Он слишком хорошо знает, что она означает.

Наконец-то начинается самое интересное.

— Да начнётся шоу, — произношу я в микронаушник, давая команде сигнал.

Всё происходит практически одновременно.

Команда открывает огонь, и охрана вокруг Фелипе мгновенно приходит в движение. Мужчины пытаются рассредоточиться, кто-то бросается к машинам, кто-то тянется к оружию, но мы застали их врасплох. Я спокойно выбираю цели одну за другой, не позволяя себе торопиться.

Мне нравится этот момент.

Момент, когда человек ещё не понимает, что его привычный мир только что рухнул.

Фелипе наконец осознаёт, что происходит, и резко разворачивается в сторону склада. Он пытается вернуться туда, откуда только что вышел, надеясь спрятаться за толстыми металлическими стенами.

Я тихо смеюсь, следя за ним через прицел.

— Вот что ты получаешь за попытку украсть бизнес у моей семьи, ублюдок, — шепчу я, наблюдая за тем, как он изо всех сил пытается добраться до спасительного укрытия.

Я не спешу. Позволяю ему сделать ещё несколько шагов, прежде чем отправляю пулю ему в ногу. Фелипе теряет равновесие и с глухим криком падает на мокрый асфальт.

Один из оставшихся охранников бросается к нему, пытаясь прикрыть своего босса, но не успевает сделать и нескольких шагов. Выстрел одного из моих людей заставляет его рухнуть рядом с Фелипе.

Я наблюдаю за происходящим и понимаю, что могла бы растянуть этот момент ещё на несколько минут. Мне даже хочется. Но дождь внезапно усиливается, тяжёлые капли начинают хлестать по винтовке, а видимость становится хуже.

Время заканчивать.

Я снова настраиваю прицел, задерживаю дыхание и нажимаю на спусковой крючок.

Фелипе больше не двигается.

Несколько секунд я продолжаю смотреть на него через оптику, убеждаясь, что всё кончено, а затем медленно отстраняюсь от винтовки. В наушнике уже звучат голоса моей команды, сообщающие о зачистке территории, но я почти не слушаю их.

На моём лице всё ещё играет улыбка.

Оставив свою команду разбираться с последствиями сегодняшней работы, я направляюсь к своему G-Wagon. Дождь всё ещё хлещет с прежней силой, барабана по капоту и заставляя мокрый асфальт блестеть под светом фонарей. Я уже почти дохожу до машины, когда какое-то движение за спиной заставляет меня обернуться.

Ко мне через парковку бежит Макс.

И, конечно же, улыбается.

Именно с такой улыбкой, от которой у половины женщин в радиусе нескольких метров начинают появляться совершенно пошлые мысли. Я не раз становилась свидетелем того, как девушки буквально теряли дар речи рядом с ним, поэтому давно перестала удивляться его успехам на любовном фронте. За свои двадцать восемь лет Макс успел оставить после себя длинный шлейф из разбитых женских сердец и, судя по его самодовольной улыбке, совершенно не собирався останавливаться.

При росте около ста восьмидесяти пяти сантиметров он обладал телосложением человека, который проводит в спортзале не меньше времени, чем на тренировках с оружием. Широкие плечи, крепкая фигура, сильные руки — всё это отлично сочеталось с его внешностью. Чёрные волосы коротко подстрижены по бокам и чуть длиннее оставлены сверху, несколько мокрых прядей сейчас падают ему на лоб. Карие глаза смотрят с привычной насмешкой, а пухлые губы, утончённый нос и острый подбородок делают его лицо слишком привлекательным для человека, который большую часть своей жизни занимается убийствами.

Мы познакомились десять лет назад, когда Макс был восемнадцать, а мне двенадцать. Отец тогда только начинал брать его под своё крыло. Он увидел в парне потенциал и решил дать

ему шанс, хотя мало кто из окружающих ожидал, что из этого получится что-то серьёзное. Макс оказался способным учеником, быстро освоил то, на что у других уходили годы, и со временем превратился в одного из самых востребованных ассасинов нашей организации. Сейчас его имя знают далеко за пределами Нью-Йорка, а люди из криминального мира предпочитают лишний раз не становиться его целью.

Но для меня он всё тот же парень, который десять лет назад впервые появился в нашем доме и умудрился вывести меня из себя уже в первые несколько минут знакомства.

Макс наконец добегают до меня и останавливается, тяжело переводя дыхание. С мокрых волос стекают капли дождя, но его улыбка становится только шире.

— Ты опять решила оставить мне самое интересное? — спрашивает он, поправляя промокшую куртку и бросая взгляд в сторону склада.

Я закатываю глаза и открываю заднюю дверь машины, чтобы убрать оружие.

— Ага, — отвечаю я с ухмылкой.

Хотя, если честно, я действительно хотела оставить его здесь разбираться. Я слишком хорошо знаю Макса и прекрасно знаю, как сильно он ненавидит заниматься последствиями заданий.

— Засранка.

— Пошёл ты.

Макс смеётся, подходит к машине и ставит свою сумку с оружием рядом с моей. Затем захлопывает заднюю дверь и обходит автомобиль.

— Признай, тебе было скучно без меня.

Я бросаю на него короткий взгляд и усмехаюсь, устраиваясь на пассажирском сиденье.

— Макс, я только что убила человека. Не заставляй меня портить себе хорошее настроение.

Он снова смеётся, и через несколько секунд мы оба уже сидим в машине. Макс заводит двигатель, и G-Wagon плавно выезжает с парковки, оставляя позади склад, команду и весь сегодняшний бардак.

— Мне нужно написать дяде Данте, — говорю я, когда мы сворачиваем на главную дорогу.

Достаю телефон из бардачка и быстро набираю сообщение.

«Дело сделано.»

Ответ приходит практически сразу.

«Спасибо, тыковка.»

Я невольно ухмыляюсь, перечитывая последнее слово. Данте придумал это прозвище, когда мы впервые встретились, и с тех пор не упускал возможности его использовать. Я уже давно привыкла к тому, что для большинства людей он — холодный и опасный человек, которого бояться даже те, кто привык иметь дело с криминальным миром. Но рядом со мной дядя всегда был совершенно другим.

Я блокирую телефон и поворачиваюсь к окну.

Обратную дорогу мы проводим в тишине. После каждого задания мне требуется время, чтобы переключиться. Не потому, что меня мучает совесть или я начинаю переживать из-за того, что только что сделала. Скорее наоборот — мне просто нравится несколько минут побыть в собственных мыслях. Макс знает эту мою привычку, поэтому не пытается заполнить тишину бессмысленными разговорами.

Хотя сегодня есть о чём подумать.

Мы убрали правую руку Карлоса Альберто, но это вовсе не означало, что проблема исчезла. Такие люди редко оставляют подобные потери без ответа. Скорее всего, Карлос уже знает, что его человек мёртв, а значит, следующим шагом станет попытка выяснить, кто именно стоял за его устранением.

И я почти уверена, что долго ждать нам не придётся.

Вопрос только в одном — как скоро он решит нанести ответный удар?

Через тридцать минут мы въезжаем на охраняемую подземную парковку небоскрёба, который полностью принадлежит мне. Я получаю его в подарок от бабушки на восемнадцатилетие, и с тех пор это место стало моим вторым домом.

Двадцать восемь этажей стекла и бетона возвышаются над Нью-Йорком, а внутри здания находится практически всё, что необходимо нашей организации для работы и жизни. Первые десять этажей занимают наши хакеры и специалисты, которые круглосуточно следят за информацией, связями и безопасностью организации. Ещё два этажа отведены под современный медицинский центр, где наши люди могут получить помощь, не обращаясь в обычные больницы и не оставляя лишних следов.

Остальные этажи занимают жилые квартиры для сотрудников, которым по тем или иным причинам удобнее жить непосредственно на территории, принадлежащей организации. Здесь есть всё необходимое: отдельные квартиры, общие зоны отдыха, тренажёрный зал и помещения, доступ к которым имеют только люди с соответствующим уровнем допуска.

Предпоследний этаж занимают две просторные квартиры. В одной живёт Анна, во второй — Макс.

А последний этаж полностью мой.

Мой пентхаус занимает практически весь этаж, а огромные панорамные окна открывают вид на ночной Нью-Йорк. Обычно я люблю возвращаться сюда после тяжёлого дня, закрывать за собой дверь и наконец оставаться в тишине, где никто не может до меня добраться.

Сегодня мне особенно хочется оказаться именно там.

Макс паркует машину на нашем месте и глушит двигатель. Несколько секунд мы сидим молча.

— Завтра в девять совещание у твоего отца, — напоминает Макс, отстёгивая ремень безопасности.

Я тяжело вздыхаю.

— Ты только что испортил мне вечер.

— Всегда пожалуйста.

Я поворачиваюсь к нему с недовольной гримасой, но всё-таки улыбаюсь.

После сегодняшней ночи мне хотелось только одного — горячий душ, чистая одежда и несколько часов без людей.

С тяжёлым вздохом я выхожу из машины и направляюсь к задней двери. Открываю дверь, забираю свою сумку с оружием и передаю Максиму его снаряжение. Он молча принимает её, перекидывает ремень через плечо, и мы вместе направляемся к личному лифту.

По дороге я машинально осматриваю помещение. Несколько наших людей дежурят на своих постах, внимательно следя за каждым, кто появляется на парковке. После сегодняшнего задания я особенно остро замечаю охрану вокруг себя. Не потому, что сомневаюсь в безопасности здания, а потому, что слишком хорошо знаю: спокойствие в нашем мире никогда не длится вечно.

У личного лифта нас уже ждут двое охранников.

— Добрый вечер, мальчики, — улыбаюсь я им, проходя мимо.

— Добрый вечер, мисс Уайт, — отвечает один из них, слегка кивая.

Макс бросает на меня насмешливый взгляд, но ничего не говорит. Он знает, что я специально обращаюсь к охранникам так, будто они мои старые знакомые. Мне нравится видеть, как серьёзные мужчины, которые способны выглядеть так, словно их высекали из камня, каждый раз пытаются сохранять невозмутимое выражение лица.

Двери лифта открываются, и мы заходим внутрь. Этим лифтом пользуемся только мы трое — я, Макс и Анна. Он ведёт непосредственно на жилые этажи, поэтому посторонним сюда доступа нет.

Стоит дверям закрыться, как я с раздражением смотрю на цифры над дверью.

Тридцать секунд.

Всего каких-то тридцать секунд до моего этажа, а мне кажется, что лифт ползёт вверх целую вечность. Мокрая одежда неприятно липнет к коже, волосы промокли насквозь, а холод после дождя всё ещё сидит в костях.

Я нетерпеливо переступаю с ноги на ногу, чувствуя, как мокрая одежда неприятно липнет к телу. Потом не выдерживаю и слегка подпрыгиваю на месте, лишь бы быстрее добраться до своего пентхауса.

Макс замечает это и начинает тихо смеяться.

— Что? — бросаю я, раздражённо посмотрев на него.

— Ничего, — отвечает он, пытаясь скрыть улыбку.

— Не смешно.

— Очень даже смешно. Человек, который способен спокойно ждать несколько часов ради идеального момента для выстрела, так нервничал из-за тридцати секунд в лифте.

— Я промокла, замёрзла и хочу снять с себя эту одежду, — недовольно бурчу я, снова бросая взгляд на табло.

Макс усмехается, но спорить не продолжает.

Через несколько секунд лифт останавливается на двадцать седьмом этаже. Двери открываются, и Макс выходит первым, поправляя сумку с оружием.

— Увидимся завтра, психопатка.

— Ага, — отвечаю я с ухмылкой.

Он качает головой и направляется к своей квартире, а двери лифта снова закрываются. Я остаюсь одна.

Через несколько секунд цифры на табло меняются на двадцать восемь.

Лифт плавно останавливается, и двери бесшумно разъезжаются, открывая прямо передо мной просторное фойе моего пентхауса. Здесь нет ни коридоров, ни общей площадки — лифт является единственным входом на мой этаж и выходит непосредственно в моё личное пространство.

Я переступаю порог, бросаю сумку с оружием на ближайшую консоль и с облегчением стягиваю с себя мокрую тактическую куртку.

Наконец-то дома.

После самого горячего душа за весь сегодняшний день я наконец переодеваюсь в удобную пижаму и падаю на кровать. Тело приятно расслабляется после напряжения, а усталость, которую я до этого почти не замечала, постепенно даёт о себе знать. Взяв с прикроватной тумбочки телефон, я нахожу в контактах имя Анны и нажимаю кнопку вызова.

После двух гудков она отвечает.

— Босс, — с издевательской интонацией произносит она вместо приветствия.

— Ой, иди ты, — смеюсь я, устраиваясь поудобнее на подушке.

В трубке тут же раздаётся её смех, который перемешивается с характерным стуком пальцев по клавиатуре. Даже сейчас она, похоже, продолжает работать.

— Ты опять за компьютером?

— А чем ещё мне заниматься вечером? — невозмутимо отвечает Анна. — В отличие от некоторых, я не устраиваю перестрелки посреди рабочего дня, а потом не валяюсь в кровати.

— Завидуешь?

— Очень.

Я тихо смеюсь, поправляя одеяло.

— Завтра у папы совещание в девять. Хочешь после него сходить позавтракать в наше кафе?

— Конечно. Что ещё за вопросы? — отвечает она без малейшего сомнения. — Я уже давно хочу нормальный кофе, а не тот ужас, который Макс называет кофе.

— Тогда договорились. Встретимся после совещания.

— Договорились.

— До завтра, Анна.

— До завтра, босс, — с привычной насмешкой отвечает она и отключается.

Я несколько секунд смотрю на погасший экран телефона, а затем качаю головой, усмехаясь. В нашей компании уже давно никто не воспринимает это прозвище всерьёз, но Анна всё равно не упускает возможности его использовать.

Откладываю телефон рядом с собой и тянусь к пульту. Нажимаю кнопку, и свет в спальне гаснет, оставляя комнату в мягком полумраке, который пробивается из-за панорамных окон ночными огнями Нью-Йорка.

Я забираюсь под одеяло, устраиваюсь поудобнее и закрываю глаза. Завтра будет новый день. А сейчас мне впервые за последние несколько часов ничего не нужно делать. Через несколько минут усталость окончательно берёт своё, и я проваливаюсь в глубокий сон.

Будильник разрывает тишину спальни ровно в семь утра. Я нащупываю телефон рядом с собой и, даже не открывая глаз, выключаю назойливый сигнал. Несколько секунд лежу неподвижно, пытаюсь убедить себя, что сегодняшний день вполне может начаться хотя бы на час позже, но здравый смысл быстро напоминает мне о совещании у папы.

Я тяжело вздыхаю, откидываю одеяло и поднимаюсь с кровати.

После вчерашнего задания тело всё ещё ощущает приятную тяжесть усталости, но времени на лень у меня нет. Быстро принимаю душ, окончательно просыпаясь под горячей водой, затем возвращаюсь в спальню и включаю фен. Бордовые волосы, которые ниже лопаток, быстро высыхают под потоком тёплого воздуха. Я привычным движением провожу пальцами по прядям, поправляя их так, чтобы они легли естественно. Я никогда не любила тратить на причёску больше времени, чем необходимо, поэтому несколько минут перед зеркалом — максимум, который могу себе позволить.

За окном совершенно другая картина по сравнению со вчерашним вечером. После ночного дождя Манхэттен выглядит почти непривычно чистым. Солнечный свет отражается в стеклянных фасадах небоскрёбов, на мокром асфальте ещё блестят небольшие лужи, а голубое небо почти полностью очистилось от облаков. Но апрельское солнце обманчиво — на улице прохладно, и тонкая одежда здесь точно не поможет.

Я открываю гардероб и некоторое время перебираю вещи, пока не останавливаюсь на привычном сочетании.

Чёрные брюки с высокой посадкой идеально садятся по фигуре и с расклёшенным низом. К ним я выбираю чёрные ботинки до щиколотки на тонкой шпильке и бордовую шёлковую блузку, оттенок которой почти совпадает с цветом моих волос. Поверх надеваю свободный чёрный пиджак. Он достаточно просторный, чтобы скрыть кобуру с пистолетом под левой рукой, но при этом выглядит вполне уместно для деловой встречи.

Оружие я проверяю скорее по привычке, чем из необходимости, после чего застёгиваю пиджак. Последний взгляд в зеркало.

Выглядеть как дочь главы одной из самых влиятельных организаций криминального мира совершенно необязательно. Наоборот, мне нравится, когда люди видят во мне обычную молодую женщину, которая собирается на деловую встречу. Иногда недооценка противника становится гораздо полезнее страха.

Я беру телефон и выхожу из спальни.

В гостиной меня уже ждёт Макс. Он сидит на диване, просматривая что-то в телефоне, но, услышав мои шаги, поднимает голову.

Сегодня он выглядит совершенно иначе, чем несколько часов назад. На нём тёмно-серый костюм, белая рубашка и галстук в тон костюма. Волосы аккуратно уложены, а начищенные до блеска туфли явно говорят о том, что сегодня ему придётся изображать приличного делового человека.

— Готова? — спрашивает он, убирая телефон в карман.

— Да.

Я беру со спинки кресла своё чёрное пальто и надеваю его поверх пиджака. Поправляю воротник, беру сумку и направляюсь к выходу.

Макс поднимается следом.

— Тогда пошли.

— Наконец-то ты научился не торопить меня.

— Не обольщайся. Я просто не хочу опоздать на совещание твоего отца.

— Вот и правильно.

Мы покидаем пентхаус и спускаемся на парковку. Через несколько минут машина выезжает на улицы Манхэттена, и знакомый ритм города постепенно заполняет пространство вокруг нас. Утром Нью-Йорк особенно хаотичен: люди торопятся на работу, такси заполняют перекрёстки, возле кофеен выстраиваются очереди, а между небоскрёбами отражается яркий солнечный свет.

Офис моего папы находится совсем недалеко — в соседнем небоскрёбе. Это здание принадлежит нашей семье и официально никак не связано с той деятельностью, которой мы занимаемся за закрытыми дверями. На первых этажах располагаются офисы компании по охране, которой руководит папа. Несколькими этажами выше находится строительная компания моего дяди Данте.

Всё абсолютно легально. По крайней мере, на бумаге.

Когда мы подъезжаем к зданию, охрана пропускает нас без лишних вопросов. Для них наше появление здесь — обычное дело. Макс оставляет машину парковщику, и мы направляемся внутрь.

Через несколько минут двери лифта открываются на этаже, где расположен кабинет папы и конференц-зал.

Зайдя в зал, я расплываюсь в улыбке, потому что моё внимание мгновенно привлекает мужчина, сидящий во главе стола, словно именно это место принадлежит ему по праву.

Мужчина поднимает на меня взгляд. На его губах появляется едва заметная улыбка.

— Наконец-то, моя маленькая принцесса.

Я невольно улыбаюсь еще сильнее детскому прозвищу. Мой дед. Витторио Моретти.

Шестьдесят восемь лет. Высокий, статный итальянец с серебристыми волосами, зачёсанными назад, густыми бровями и пронзительными тёмными глазами. Несмотря на возраст, он держится с такой уверенностью и достоинством, что рядом с ним большинство мужчин автоматически начинают казаться моложе и менее значительными. Глубокие морщины на его лице не старят его — наоборот, придают внешности особую суровость и благородство, словно каждая из них хранит воспоминания о десятилетиях власти, сделок и решений, которые изменили не одну человеческую судьбу.

На нём идеально сидит чёрный костюм, белая рубашка и тёмный галстук. На пальце блестит массивное кольцо с гербом семьи Моретти.

По обе стороны от него стоят два телохранителя. Один — высокий темноволосый мужчина лет сорока с холодным, непроницаемым выражением лица. Второй немного моложе, широкоплечий, с коротко подстриженными каштановыми волосами и внимательным взглядом, который постоянно скользит по помещению.

Я перевожу взгляд дальше и замечаю папу.

Джошуа Уайт сидит по правую сторону стола, спокойно наблюдая за моим появлением. В свои сорок восемь он находится в отличной физической форме и выглядит значительно моложе своего возраста. Сто восемьдесят сантиметров роста, крепкое телосложение, русые волосы и холодные голубые глаза. В нём есть та самая сдержанная привлекательность, которая никогда не требовала от него усилий. Папа умеет выглядеть совершенно спокойным даже тогда, когда внутри уже принял решение, от которого у другого человека может измениться вся жизнь.

Для остальных он — Джошуа Уайт.

Для меня — просто папа.

Мы не связаны кровью, и внешне между нами нет ничего общего. Я азиатка с светло-кариими глазами и бордовыми волосами, он высокий светловолосый мужчина с голубыми глазами. Но почти за двадцать лет моей жизни с ним, у меня ни разу не возникло ощущения, будто он не мой папа. Он выбрал меня тогда, когда мог пройти мимо, и с тех пор ни разу не заставил меня сомневаться в том, что я его дочь.

Я встречаюсь с его взглядом и улыбаюсь.

Отец отвечает едва заметной улыбкой, а затем переводит взгляд на Макса, который зашел в зал следом за мной.

Макс не спешит занимать место за столом. Он прекрасно знает своё положение и понимает, что это семейное совещание, поэтому останавливается у стены неподалёку от меня. Складывает руки на груди и спокойно осматривает помещение, на первый взгляд совершенно расслабленный. Но я слишком хорошо его знаю, чтобы поверить в эту невозмутимость.

Макс всегда наблюдает.

Рядом с папой сидит мой дядя Данте Моретти — младший брат моей мамы.

В свои сорок лет он выглядит именно так, каким и должен выглядеть красивый итальянский мужчина: высокий, около ста восьмидесяти семи сантиметров, широкоплечий, подтянутый, с густыми тёмными волосами, выразительными карими глазами, чёткими скулами и сильной линией подбородка. Лёгкая щетина подчёркивает его мужественные черты, а дорогой тёмный костюм сидит на нём безупречно.

Дядя Данте встречается со мной взглядом и улыбается, но уже через секунду его выражение становится серьёзным. Я слишком хорошо знаю дядю, чтобы не заметить эту перемену.

Я медленно снимаю пальто и бросаю его вместе с сумкой на спинку свободного кресла рядом с бабушкой, а Макс остаётся за моей спиной. Витторио смотрит на меня несколько секунд, после чего его взгляд перемещается на Макса.

— Можешь подойти ближе, мальчик. Я не собираюсь обсуждать за твоей спиной то, что касается Лии.

Макс отталкивается от стены и подходит к свободному креслу рядом со мной, и садится.

— Что случилось? — я сразу перехожу к делу, обвожу взглядом всех присутствующих мужчин и останавливаюсь на бабушке.

Витторио несколько секунд смотрит на меня, а затем тихо смеётся, покачивая головой.

— Всё в порядке, насколько это вообще возможно, — спокойно отвечает он, складывая руки на столе. — Нам поступило предложение о договорном браке.

Я медленно приподнимаю бровь, но особого удивления не испытываю. В нашем мире подобные союзы давно перестали быть чем-то необычным. Когда за спиной у семьи стоят деньги, власть, влияние и бизнес, брак становится не столько вопросом любви, сколько одним из самых надёжных способов закрепить союз. Иногда подпись в брачном договоре оказывается гораздо крепче любой клятвы.

— И кто же решил сделать нам такое интересное предложение? — спрашиваю я, устранившись в кресле и закидывая ногу на ногу.

— Лиам Харрисон, — отвечает папа, чуть откидываясь на спинку кресла.

Я медленно киваю. Имя мне прекрасно знакомо.

Лиам Харрисон контролирует Лос-Анджелес и является одним из крупнейших игроков на мировом рынке оружия. Наша семья давно сотрудничает с Лиамом Харрисоном, но папа никогда не скрывал желания укрепить эти отношения. Поставки оружия — слишком важная часть нашего мира, чтобы довольствоваться обычными деловыми контрактами, когда можно заключить гораздо более прочный союз.

— Интересно, — протягиваю я.

Данте, до этого молча сидевший за столом, берёт со стола стакан воды и делает небольшой глоток.

— Мистер Харрисон хочет женить своего старшего сына, — произносит он, поставив стакан обратно. — Через пять лет Эйден полностью возьмёт на себя управление семейным бизнесом.

Я перевожу взгляд на дядю.

Эйден Харрисон. Двадцать пять лет. Старший сын Лиам Харрисона.

О нём знают практически все, кто имеет хоть какое-то отношение к криминальному миру. Холодный, яростный и кровожадный — именно такими словами его обычно описывают люди, которым доводилось сталкиваться с ним лично. Он не боится испачкать руки и, в отличие от многих наследников крупных семей, никогда не пытался держаться подальше от грязной стороны бизнеса. Более того, он известен своей любовью к подпольным боям.

Я едва заметно усмехаюсь.

Похоже, семейка Харрисон решила сделать предложение с характером.

— Иии? — протягиваю я, переводя взгляд на Данте. — Я так понимаю, они хотят Катрин?

Моя двоюродная сестра Катрин — старшая дочь Данте, ей девятнадцать. Логично было бы предположить, что именно её кандидатуру они рассматривают для подобного союза.

Дедушка качает головой.

— Нет.

Я медленно перевожу взгляд на него.

— Тогда кого?

Отец смотрит прямо мне в глаза.

— Тебя.

На несколько секунд в комнате повисает тишина.

Я моргаю.

Макс, тоже явно не ожидал услышать именно это. Он резко выпрямляется и переводит взгляд с папы на меня, будто пытается понять, не ослышался ли.

— Меня? — переспрашиваю я, указав пальцем на себя.

— Тебя, — подтверждает папа.

Я откидываюсь на спинку кресла и несколько секунд просто смотрю на него.

— Почему я? Я даже не светская львица.

— Именно поэтому, — отвечает дедушка, и на его губах появляется едва заметная улыбка.

Он наклоняется вперёд, опираясь локтями на стол.

— Лиам хочет для своего сына спокойную жену. Женщину, которая не будет постоянно находиться в центре внимания, не станет превращать каждый вечер в публичное представление и не будет использовать фамилию Харрисон ради собственной популярности.

Я коротко усмехаюсь. Если бы они только знали.

Для нашего окружения я действительно практически невидимка. Из-за работы я редко появляюсь на мероприятиях, не стремлюсь к публичности и почти никогда не оказываюсь в центре внимания. Для большинства людей я просто дочь Джошуа Уайта, которая много путешествует по работе и занимается бог знает чем.

Никто не знает, что на самом деле я делаю. И я собираюсь сохранить это в тайне как можно дольше.

— Но я не такая, — спокойно возражаю я, складывая руки на груди. — Спокойная жена, которая будет сидеть дома и улыбаться гостям, — явно не мой профиль.

Данте тихо усмехается, но тут же становится серьёзным.

— В этом-то и проблема, Лия.

— Какая ещё проблема?

Дедушка смотрит на меня поверх сцепленных пальцев.

— Эйдену не нужна женщина, которая будет прятаться за его спиной. Ему нужна такая, как ты. Та, которая встанет рядом с ним, а не позади него. Женщина, которая сможет править вместе с ним, когда придёт время.

Я молчу.

Эта мысль мне нравится гораздо больше, чем должна. Я смотрю на папу. Он молчит, явно ожидая моей реакции. Данте тоже внимательно наблюдает за мной. А Макс вообще перестал делать вид, что ему всё равно.

Я медленно выпрямляюсь в кресле.

— Хорошо. Я согласна.

Папа резко выпрямляется на кресле.

— Что?

Макс тихо кашляет, прикрывая рот кулаком, но по его глазам я вижу: он едва сдерживается, чтобы не рассмеяться от шока.

Я поворачиваюсь к нему.

— Не начинай.

— Я ещё ничего не сказал, — невозмутимо отвечает он, опуская руку.

— Но собирался.

— Конечно.

Я снова смотрю на папу.

— Я согласна выйти за него.

— Ты серьёзно? — папа подаётся вперёд, и впервые за всё время его спокойное выражение лица заметно меняется. — Лия, ты понимаешь, о чём говоришь?

— Прекрасно понимаю.

— Ты даже не знакома с Эйденем.

— Значит, познакомлюсь перед свадьбой.

Макс не выдерживает и тихо смеётся.

Я поворачиваюсь к нему.

— Тебе весело?

— Немного, — признаётся он, пытаясь сохранить серьёзное лицо. — Просто ещё вчера ты стреляла в людей на крыше, а сегодня решила выйти замуж за человека, которого никогда не видела.

— И что?

— Ничего. Просто твой список способов провести свободное время становится всё интереснее.

Я закатываю глаза.

— Заткнись, Макс.

— Как скажешь, будущая миссис Харрисон.

Я бросаю на него предупреждающий взгляд, а он поднимает руки, сдаваясь.

— Всё. Молчу.

Я снова поворачиваюсь к мужчинам.

— Вообще я не против брака по расчёту. У меня нет времени на свидания, романтические ужины и бесконечные попытки найти человека, с которым можно построить отношения. А здесь всё предельно просто: две семьи получают союз, а я — мужа, который понимает, в каком мире живёт, — я делаю небольшую паузу и продолжаю уже серьёзнее, — Кроме того, рано или поздно мне придётся взять на себя управление организацией. Папа не будет работать вечно. А Белла... — я на секунду замолкаю.

Моей младшей сестре пятнадцать. Она слишком мягкая, слишком невинная и слишком далека от того мира, в котором выросла я. Я никогда не представляла её во главе организации ассасинов.

— Белла не станет этим заниматься, — заканчиваю я. — Поэтому рано или поздно это всё равно ляжет на мои плечи.

Папа тяжело выдыхает и проводит ладонью по лицу.

— Я не уверен, что мне нравится то, насколько легко ты сейчас принимаешь решение выйти замуж.

— Папа, это не импульсивное решение. Я просто понимаю выгоду этой сделки.

Дедушка довольно кивает, но я поднимаю палец, не позволяя ему ничего сказать.

— Но у меня есть несколько условий.

— Какие? — спрашивает дедушка, слегка прищурившись.

Я перевожу взгляд на него.

— У меня остался один контракт. Он несложный, и я хочу завершить его до свадьбы. После этого я хочу, чтобы мы поженились через два месяца.

В комнате снова становится тихо.

— Два месяца? — переспросил Данте, чуть приподняв брови.

— Да.

Я поворачиваюсь к Макс.

— И ещё. Макс и Кай должны стать моими телохранителями.

Макс перестаёт улыбаться.

— Подожди. Я?

— Ты.

— И Кай?

— Да.

Он проводит ладонью по лицу и тихо качает головой.

— Конечно. Почему бы и нет? Ты просто решила выйти замуж за незнакомого мужчину и прихватить с собой двух телохранителей.

— Именно.

Я снова смотрю на дедушку.

Никто из них не знает главной причины моего требования. Я не собираюсь раскрывать Эйдену Харрисону свою настоящую личность. По крайней мере, не сейчас. Для него я должна оставаться Лией Уайт — дочерью влиятельной семьи, которая не любит появляться слишком часто на публике. А не ассасином, который прошлой ночью всадил пулю в голову врага.

Мне ещё предстоит понять, насколько легко будет совмещать новую жизнь с той, которую я тщательно скрывала все эти годы. Но одно я знаю точно. Если мне действительно предстоит стать женой Эйдена Харрисона, я не собираюсь становиться его тенью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.